

ОСОБЕННОСТИ КОДИФИКАЦИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ КИТАЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

К.Е. Кохонова

В статье рассматривается проблема кодификации ряда заимствованных лексических единиц китайского происхождения в системе английского литературного языка. В силу указанных в данной работе причин ряд заимствований китайского происхождения, происходящих от таких источников, как китайский английский, пиджин-инглиш и чинглиш, неполно представлены в лемматических корпусах современных словарей английского литературного языка. Число заимствований из этих девиаций, фактически существующих в различных региональных вариантах английского языка, превышает официально зафиксированное. В работе приводится обоснование необходимости кодификации заимствованных лексических единиц данного типа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: английский литературный язык, заимствование, лексические единицы китайского происхождения, адстрат, язык-источник, язык-реципиент, язык-посредник, язык-донор, кодификация

КОХОНОВА Ксения Евгеньевна – аспирант отделения иностранных языков Национального исследовательского Томского политехнического университета. elsinia@mail.ru

Цитирование: Кохонова К.Е. Особенности кодификации заимствований китайского происхождения в системе английского литературного языка [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2019, № 4. – С. 112–123. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

CODIFICATION FEATURES OF BORROWINGS OF CHINESE ORIGIN IN THE SYSTEM OF ENGLISH LITERARY LANGUAGE

Ksenia E. Kokhonova

The article deals with the codification problem of a number of borrowed lexical units of Chinese origin in the system of English literary language. For the

reasons indicated in this paper, a number of borrowings of Chinese origin, originating from sources such as Chinese English, Pidgin English and Chinglish, are not fully represented in the lemmatical corpora of dictionaries of the English literary language. The number of borrowings from these deviations, which actually exist in various regional versions of the English language, exceeds the officially recorded amount of codified words. The paper provides the rationale for the codification of borrowed lexical units of this type.

KEY WORDS: English literary language, borrowing, lexical units of Chinese origin, adstratum, source language, recipient language, intermediary language, donor language, codification

KOKHONOVA Ksenia E. – Graduate Student of the Department of Foreign Languages of the National Research Tomsk Polytechnic University. elsinia@mail.ru

Citation: Kokhonova K.E. Codification features of borrowings of Chinese origin in the system of English literary language // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2019, № 4. – P. 112–123. Access mode: www.tverlingua.ru

На современном этапе своего исторического развития английский язык довольствуется статусом международного языка-макропосредника с синхронной коммуникативной мощностью свыше 1,3 млрд говорящих на земном шаре в любом качестве (L1 – материнский язык, L2 – билингвизм, L3 – трилингвизм и т. п.) (Ethnologue, 2019). Выраженная экспансивность и обширная коммуникативная рамка, охватывающая все тематические сферы человеческого бытия без исключения, делают его привлекательным языком для образования локальных разновидностей-субстратов за пределом этнического континуума с устойчивыми функциональными и прагматическими репертуарами, в том числе вирусного (меметического) свойства (Романов, Романов, 2018: 11). Данным обстоятельством указанный литературный идиом обязан, в первую очередь, своему характеру языка

экзотерической ниши (outward-facing language), направленного на коммуникацию вне границ языкового коллектива-носителя (Wray, Grace, 2007: 549), и, безусловно, ацентризму, связанному с отсутствием единого центра языковых инноваций в англоязычном мире и, следовательно, единого субъекта языковой политики и кодификации.

Исследование языков-источников и языков-посредников, границы между которыми чрезвычайно зыбки и демаркируются зачастую исключительно этимологией, следует признать такой задачей синхронной социолингвистики и её ветви контактологии, которая никогда не теряет своей актуальности в силу того, что указанные языки выступают в качестве основы, формирующей отдельные пласты заимствованной лексики, укрупняющие и расширяющие возможности языковой системы по нескольким причинам. Во-первых, процесс заимствования является неотъемлемой составляющей эволюции системы языка, свидетельствующий о его взаимодействии с другими системами на определённых отрезках диахронии. Во-вторых, заимствования выступают в качестве ресурса для обогащения словарного фонда языка-реципиента. И, наконец, наличие заимствований из определенных языков-источников определяет фактуру самой языковой ситуации, т. е. состояния языка и характерных для этого состояния тенденций в конкретной точке исторического развития (Кобенко, 2014: 173). Именно в анизотропии таких историко-культурных сред, формирующих исторически орнаментированные языковые ситуации, и создаются предпосылки для заимствования и различных его форм – экспансии, инвазии, ксенизации и т. д. В контексте глобализации, ставшей возможной во многом благодаря роли медиасферы и средств массовой информации, изучение заимствований представляет для языкознания не только практический интерес, но и необходимость, так как заимствование является ещё одним индикатором особенностей процесса межъязыкового взаимодействия.

Заимствование следует понимать как универсальный механизм преодоления языкового многообразия на нашей планете. Нет таких условий,

при котором отдельное слово не может быть заимствовано в его материальной (звуковой и графической) оболочке или в качестве десигната (понятия) в любой другой язык. Возможность переноса дискретной единицы из одной системы в другую (из одного языкового множества в другое), по-видимому, должна пополнить список гумбольдтовских языковых универсалий. Благодаря заимствованию сегодня мы можем говорить о такой форме существования языка, как литературная, которая существует благодаря гетерогенности состава эволюционирующих идиомов, содержащих адстраты иноязычного происхождения, с интралингвистической точки зрения, и стадильности самой эволюции таких языков, обновляющихся в виде исторических формаций-периодов, с экстралингвистической точки зрения (Кобенко, 2017: 170). Гибридность и гетерогенность лексического состава литературных языков выступает не столько следствием их эволюционного превращения, сколько его залогом в непрерывно и калейдоскопически усложняющемся мире коммуникации.

Статус международного языка-макропосредника способствовал активному заимствованию лексического материала субстратных (коренных) языков в состав английского литературного языка, в результате чего в его системе параллельно с исконной лексикой функционируют заимствованные лексические пласты, обозначаемые в историческом языкознании адстраатами. Зачастую такие адстрааты расположены на языковой периферии, предусмотренной для терминосистем, мезолектов, арго и профессиолектов (жаргонов). Адстрааты, как отпечатки отдельных волн заимствования неизменно из одного языка-донора, неотделимы от фактур определённых языковых ситуаций в историческом развитии английского литературного языка. Они могут существовать относительно обособленно, как это обстоит с заимствованной лексикой китайского происхождения в английском литературном языке, а также в качестве наслоений (пластов) лексического материала таких родственных языков, как французского, испанского, итальянского и латыни или же латыни, немецкого и голландского языков.

Главной же особенностью адстратов выступает их ономаσιологическая (тематическая) приуроченность, автоматически закрепляющая большинство или отдельные сегменты заимствованных единиц за определённой сферой коммуникации (Кобенко, 2017: 53). Экстралингвистический детерминизм заимствования есть то самое влияние историко-культурной среды на характер языкового контакта, которое порождает феномен когерентности (сопряжённости) заимствованной лексической единицы и исторической формации её возникновения.

Пласт китайских заимствований начал своё формирование в системе английского литературного языка как языка-реципиента с XVII в. и составляет в настоящее время одну из структурных частей его словарного фонда. За кодифицирующую основу в XX в. бралось отражение китаизмов в таких регулярно пополняемых справочниках и одновременно толковых (одноязычных) словарях английского языка, как Oxford, Cambridge, Collins. В XXI в. кодификация в её процедурном аспекте зримо расширилась за счёт значительно перевеса, во-первых, американских словарных изданий (ср. Macmillan Dictionary, Urban Dictionary, Merriam-Webster, American Heritage Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English) и, во-вторых, благодаря переносу кодифицирующих и лексикографических практик в траекторию компьютерно-информационной сети «Интернет» и наделению участвующих в этом пользователей правами разработчиков-лексикографов (Graddol, 2000: 52). Последнее выступает, однако, скорее калькулируемым незначительным изъяном кодификации в сравнении с величиной приобретаемого преимущества синхронизации корпуса с рекуррентными тенденциями развития словарного состава английского литературного языка.

Тем не менее синхронная кодификация китайских заимствований в составе указанного литературного идиома значительно затруднена по ряду веских причин:

– не всегда удается точно установить язык-источник заимствования, а также определить, какой язык в каждом конкретном случае является языком-источником, а какой – языком-посредником;

– сложности вызывает также создание норм для тех заимствований китайского происхождения, которые на сегодняшний день уже не употребляются в английской литературной речи ввиду своей архаизированности – включать в лемматический корпус словаря слово, вышедшее из употребления, не всегда целесообразно;

– некоторые кальки, передающие реалии уклада жизни китайцев, представляют собой не подлинное заимствование, а лишь перевод лексических единиц (Bolton, 2003: 254–255).

Следовательно, включение той или иной заимствованной единицы китайского происхождения в словарный корпус является спорным вопросом, что, в свою очередь, обуславливает то обстоятельство, что не все китайские заимствования, реально функционирующие в литературной английской речи, получили лексикографическую интерпретацию в указанных лексикографических изданиях.

Основным языком-источником и поставщиком китайских заимствований в системе английского литературного языка является китайский язык, а также ряд его диалектов: путунхуа (официальный язык Китайской Народной Республики), сямыньский (амойский), кантонский и др. Кроме того, заимствования из китайского языка оседали в системе языков-посредников прежде, чем закрепиться в системе английского языка. Среди языков-посредников группе китайских заимствований особенно широко представлены пиджин-инглиш, французский и японский языки (Liu, Zhang, 2011: 1817–1818). Однако помимо вышеуказанных языков-источников и языков-посредников, на формирование пласта китайских заимствований, в определенной степени, оказали такие апостериорные гибридные формы (девиации), образовавшиеся из материала английского и китайского языков, как китайский английский и чинглиш. Заимствованные единицы, попавшие в

систему английского языка посредством взаимодействия с вышеуказанными вариантами, прошли кодификацию, но их фактическое количество превышает число единиц, официально зафиксированных в лемматических корпусах словарей. Та же ситуация характерна и для заимствований, происходящих из пиджин-инглиша: официально кодифицирована лишь часть из них. К заимствованиям, происходящим от китайского английского, пиджин-инглиша и чинглиша, относятся такие лексические единицы, как *mustard silk* – *измельченные маринованные овощи*; *junk* – «традиционное китайское плоскодонное судно с парусом квадратной формы»; *ee dollar* – аналог «*how much is this*» «сколько стоит...»; *sellum* – «продавать»; *pyridaben carbazole* – имитация звука вспышки при фотосъемке (выражение возникло в результате некорректного перевода инструкций с китайского языка на английский) и т.д. (Chinasage).

Некоторые отечественные и зарубежные исследователи сходятся во мнении, что необходимо разграничивать понятия «китайский английский» и «чинглиш» (Liu, Zhang, 2011: 1817; Митчелл, Зарубин, 2013: 75). Китайский английский является одним из региональных вариантов современного китайского языка. Данная девиация представляет собой отклонение от норм стандартизированного английского языка, которые проявляются на всех уровнях языковой системы в форме преимущественно в виде искажений морфологических и синтаксических норм и в характерном для автохтонов акценте. Китайский английский определяется как девиация, тем самым отличаясь от ошибок и недопустимых вариантов языка, как, например, пиджин-инглиш или чинглиш, так как отклонения от нормы в данном случае становятся узальной нормой в рамках конкретного регионального варианта (Прошина, 2005: 125).

По данным на 2007, китайский английский внёс вклад в словарный фонд английского литературного языка в размере 8% от общего числа лексических единиц; помимо этого, в 1994 г. китайский английский занимал первую позицию по степени своего влияния на словарный фонд английского

литературного языка, тем самым превосходя по показателям другие языки – источники заимствований (de la Cruz-Cabanilas, 2008: 263).

Чинглиш, возникший во многом спонтанно и являющийся следствием такого языкового явления, как интерференция (отрицательное влияние родного языка на изучаемый язык), представляет собой вариант языка, характерный, в первую очередь, для студентов – носителей китайского языка, изучающих английский и/или вынужденных использовать его в качестве основного языка общения (например, в случае временного или постоянного проживания на территории англоговорящих стран). Чинглиш содержит ряд лексических единиц, заимствованных из английского литературного языка путем калькирования. Данная разновидность языка обладает как разговорной, так и письменной формой (Митчелл, Зарубин, 2013: 69–70).

Так как английский литературный язык в своем современном варианте приблизительно с 60-х гг. ушедшего века не является исключительно языком какой-либо одной страны и даже языком ряда таких англоговорящих стран, как США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и др., необходимо признать тот факт, что охват территорий и обществ, использующих его в качестве международного языка, достаточно широк. Это значит, что с ходом времени в мире сформировались различные локальные варианты английского языка, в отношении которых, на взгляд автора, должны быть приняты полноценные стандартизирующие меры.

Кодификационный охват таких зон – по всей концентрической плоскости определённых зон Б.Б. Качру (Kachru, 1996: 138) или же в пределах отдельных языковых ситуаций, очерченных границами конкретных административно-территориальных формирований, – должен представлять не столько комплекс мер по преодолению упомянутого ацентризма за счёт усиления элемента рекомендации в кодификационных предписаниях, сколько попытку равностатусного охвата всех синхронных явлений, наблюдаемых в ареалах языкового контакта. Для этого необходимо рассматривать такие региональные варианты, как, например, китайский

английский, в качестве языков-источников и языков-посредников в процессе заимствования, а также подвергать кодификации те лексические единицы, которые в силу указанных в данной статье причин ещё не получили официального отражения в лемматических корпусах словарей английского литературного языка.

Проблема кодификации, безусловно, усложняется тем, что в указанных контактных ареалах можно наблюдать процессы неэквивалентного языкового смешения (блендинга), разновекторности потоков заимствования и, как следствие, появление гибридных форм (девиаций) контактирующих идиомов. В подобных ситуациях окончательно установить за ними статус языка-донора и языка-реципиента зачастую весьма затруднительно, а это становится главным препятствием на пути лексикографов, вынужденных принимать нелёгкое решение, идёт ли речь о китайских заимствованиях в английском литературном языке или наоборот.

Резюмируя сказанное, представляется возможным сделать вывод, что такая языковая вариация, как китайский английский, является одним из самостоятельных вариантов английского языка, материал которого тоже можно отнести к литературной норме, если речь идет о кодификации единиц, заимствованных из китайского английского. В то же время чинглиш целесообразно рассматривать как сниженный вариант языка, однако данный идиом также оказывает влияние на формирование пласта китайских заимствований в системе английского литературного языка. Тем не менее, китайские заимствования, восходящие к вышеуказанным языковым вариантам, безусловно, необходимо кодифицировать как единицы локальных вариантов английского языка и соответствующих адстратов.

Подводя итог рассуждениям, необходимо отметить, что не все лексические единицы, заимствованные из китайского языка и его вариаций в состав английского литературного языка, зафиксированы в таких авторитетных изданиях, как, например, Оксфордский словарь (Oxford English Dictionary), который выступает в качестве индикатора состояния английского

литературного языка в различные периоды его исторического развития и, соответственно, является надёжным отражением языковой нормы. Однако избирательность и известная прескриптивность кодификационных норм данного словаря английского литературного языка, на взгляд автора, не должны выступать препятствием для стандартизации заимствований в упомянутых выше зонах языкового контакта. По-видимому, наряду с элитарностью литературной английской нормы существует определённый «фильтр» известности заимствований носителям данного языка в основном континууме, т.е. в базовой зоне Б.Б. Качру. Тем не менее, можно выразить соображение, что региональные варианты (китайский английский язык) и некоторые автохтонные идиомы (чинглиш) представляют собой источники заимствований, которые целесообразно фиксировать в официальных лексикографических изданиях наравне с заимствованиями из китайского языка, его диалектов и ряда заимствований китайского происхождения, попавших в систему английского литературного языка при участии ряда языков-посредников. Таким образом, составление расширенного корпуса заимствованных единиц китайского происхождения с целью их дальнейшего закрепления в лемматических корпусах словарей различных типов представляется важной задачей контактной лингвистики.

Ссылки – References in Russian

Кобенко, 2014: 173 – *Кобенко Ю.В.* Языковая ситуация в ФРГ: американизация и экзогlossные тенденции. – Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2014. – 360 с.

Кобенко, 2017 – *Кобенко Ю.В.* Язык и среда. Опыт систематизации данных междисциплинарных исследований. – Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2017. – 214 с.

Митчелл, Зарубин, 2013 – *Митчелл П.Дж., Зарубин А.Н.* Чинглиш – культурный феномен // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2013, № 1 (9). – С. 69–80.

Прошина, 2005: 125 – Прошина З.Г. Лингвоконтактология: статус, проблемы, перспективы // Социально-гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2005, №1 (5). – С. 124–128.

Романов, Романов, 2018: 11 – Романов А.А., Романова Л.А. Вербальный компонент “мягкой силы” как инструмента дискурсивного влияния в геополитическом пространстве // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2018, № 2. – С. 1–40. Режим доступа: www.tverlingua.ru

References

Bolton, K. (2003) *Chinese Englishes. A sociolinguistic History*, Cambridge, Cambridge University Press. – 360 p.

Chinasage: The Chinese Pidgin English language [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chinasage.info/pidgin-english.htm>

De la Cruz-Cabanilas, I. (2008) Chinese Loanwords in the OED // *Studia Abglica Posnaniensia*, Vol. 44. pp. 253–274.

Ethnologue. Languages of the World: English [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ethnologue.com/language/eng>

Graddol, D. (2000) *The future of English? A guide to forecasting the popularity of the English language in the 21st century*, London, British Council. 66 p.

Kachru, B.B. (1996) World Englishes: Agony and ecstasy // *Journal of Aesthetic Education*, Vol. 30(2). pp. 135–155.

Kobenko, Yu.V. (2014) *Language situation in Germany: Americanization and exoglossic tendencies*, Tomsk, TPU Press. 360 p. (in Russian)

Kobenko, Yu.V. (2017) *Language and environment. Experience in systematization of interdisciplinary research data*, Tomsk, TPU Press. 214 p. (in Russian)

Liu, X., Zhang, L. (2011) On Chinese Loanwords in English // *Theory and Practice in Language Studies. Academy Publisher*, Vol. 1, No. 12. pp. 1816–1819.

Mitchell, P.J., Zarubin, A.N. Chinglish: a cultural phenomenon // *Bulletin of Tomsk State University. Culturology and art history*. 2013, № 1 (9). P. 69–80. (in Russian)

Proshina, Z.G. Linguocontactology: status, problems, prospects // *Social and Human Sciences in the Far East*. 2005, №1 (5). P. 124–128. (in Russian)

Romanov, A.A. Romanova, L.A. “Soft power” verbal component as the instrument of discursive influence in geopolitical space // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. 2018. № 2. P. 1–40. Access mode: www.tverlingua.ru (in Russian)

Wray, A., Grace, G.W. (2007) The consequences of talking to strangers: Evolutionary corollaries of socio-cultural influences on linguistic form // *Lingua*, Vol. 117, pp. 543–578.